

Российское китаеведение

Из воспоминаний

© 2019

А.И. Картунова

Автор делится воспоминаниями о встречах с некоторыми руководящими деятелями КПК в 1950-е годы. Параллельно даются как их личностные характеристики, так и краткие оценки состояния советско-китайских отношений того периода.

Ключевые слова: советско-китайские отношения, сектор Дальнего Востока Отдела внешней политики ЦК КПСС, Лю Шаоци, Сун Цинлин, Ян Сяньчжэнь.

DOI: 10.31857/S013128120006102-3

По окончании в 1947 г. Московского института востоковедения (китайский сектор) первым местом моей работы как китаиста был НИИ № 205, в который я была зачислена в качестве переводчика, затем младшего референта.

С середины 1945 г. решением ЦК ВКП (б) на этот институт были возложены задачи организовать информацию по коммунистическому, рабочему, женскому, национально-освободительному, кооперативному и крестьянскому движению, а также обслуживание соответствующих организаций необходимыми справочными материалами. Институт находился при структуре Отдела внешней политики ЦК ВКП (б) в качестве информационного его центра.

В НИИ № 205 я проработала всего шесть месяцев, до марта 1948 г., когда он был закрыт, и меня перевели на ту же должность в Отдел внешней политики ЦК ВКП (б), в сектор стран Дальнего Востока — Китай, Корея, Монголия и Япония, заведующим которого был Е.Ф. Ковалев.

В круг моих обязанностей время от времени входила и работа с делегациями китайских коммунистов, приезжавших в Москву, а также выполнение небольших заданий руководства Отдела ЦК, связанных с личными контактами с некоторыми из руководящих деятелей КПК.

Ниже предлагаю читателю воспоминания о контактах с Лю Шаоци и работе с Сун Цинлин и Ян Сяньчжэнем, впечатления о них как о личностях, особенностях в их поведении и других запомнившихся чертах при беседах с ними, не касаясь биографии, поскольку персонажи широко известны читателю, а также свои ощущения при разных ситуациях во время работы с ними.

Эти контакты проходили в разное время и в разной обстановке в нашей стране и в Китае, поэтому не могу удержаться от кратких упоминаний своей оценки событий тех дней в обеих странах.

О встречах с Лю Шаоци в Москве и Пекине

Прежде чем писать о встречах с Лю Шаоци в Москве, хотелось бы поведать об обстоятельствах знакомства с его книгой в январе–феврале 1948 г.

Где-то в январе 1948 г. директор НИИ № 205 Н.Н. Пухлов пригласил меня и протянул небольшую книжку на китайском языке, сопроводив заявлением, что Институт получил задание отдела ЦК подготовить аннотацию на эту книгу. Выразив надежду, что я справлюсь с этой работой, спросил, сколько времени мне понадобится для выполнения этого задания, и добавил: аннотация должна быть подробной. Мне дали месяц для ее подготовки.

Это была книга Лю Шаоци «Лунь гунчаньданюань дэ сюань» («О работе коммуниста над собой») в мягком бумажном переплете, объемом страниц 120. Текст книги политический и теоретический, и с лексикой больших проблем не было. Работу я выполнила в срок. Дней через десять Н.Н. Пухлов сообщил мне, что аннотацию в Отделе ЦК «оценили положительно». После этого он сказал несколько лестных слов по поводу выполненного мною задания, а я, в свою очередь, выразила удовлетворение, что не подвела его.

Как-то примерно в начале июля 1949 г., когда я уже более года работала в Отделе внешней политики ЦК КПСС, завсектором Отдела Е.Ф. Ковалёв сказал, чтобы я немедленно зашла к завотделом В.Г. Григорьяну. Когда я пришла в его кабинет, он предложил присесть и у нас произошел следующий диалог, если его так можно назвать:

— В Москве секретно находится делегация ЦК КПК во главе с товарищем Лю Шаоци. Вы, конечно, знаете какой пост он занимает в КПК.

— Да.

— Вы сейчас поедете в их резиденцию и скажите тов. Лю Шаоци... (то-то и то-то).

— Да.

— Затем спросите у Лю Шаоци... (то-то и то-то).

— Да.

— Вы все запомнили?

— Да.

— По возвращении доложите мне о результатах поездки. И наказал: это Вам секретное задание, и о вашей поездке и с кем встречались никому не говорите.

Здесь стоит заметить, что на спецквартирах и в спецособняках ЦК ВКП (б) имелись телефоны ВЧ-связи (их почему-то в разговорах наши сотрудники называли «кремлевские вертушки»), все же предпочтительным считался личный контакт с делегациями, которые курировал Отдел ЦК, часто прибывавшими в Москву нелегально. Это касалось и делегации во главе с Лю Шаоци, поскольку до окончания гражданской войны в Китае и провозглашения КНР 1 октября 1949 г. оставалось еще три месяца.

Выйдя из кабинета завотделом, я пыталась вспомнить все, что знала в то время о Лю Шаоци. Фамилии других членов делегации В.Г. Григорьян не назвал.

Минут через 5–7 я уже сядила в ожидавшую меня машину.

Приезжаю по указанному адресу (шоферы, обслуживающие Отдел ЦК, хорошо знали местоположение спецобъектов). Это был белый особняк с колоннами в переулках старого Арбата. Охрана была предупреждена и машину, в которой я приехала, пропустили без задержки. Захожу в дом. В гостиной — Лю Шаоци, которого я сразу узнала, так как видела не раз его фотографии, и Гао Ган¹. Я представилась: моя фамилия Картунова, приехала к вам по заданию заведующего Отделом ЦК тов. Григорьяна. Они подошли

и пожали мне руку. Потом по приглашающему жесту Лю Шаоци, обращенному ко мне, я присела и вступила в обычный для начала разговор.

Выполнив поручение В.Г. Григорьяна, я спросила, опять-таки по его поручению, нет ли у уважаемых высоких гостей каких-либо пожеланий по пребыванию в Москве. Лю Шаоци поблагодарил и сказал, что в Москве созданы все благоприятные условия для работы и отдыха, никаких пожеланий высказано не было. Мой визит в этот особняк был окончен.

А теперь о первых впечатлениях о Лю Шаоци, о том, как он выглядел внешне. Лю Шаоци был довольно высокий, элегантный, интеллигентный китаец с лицом, пожалуй, ученого. Выражение лица редко менялось. Серьезен и подтянут, что называется у нас на Руси, «застегнут на все пуговицы», в прямом и переносном смысле. В 1921 г. был одним из первой группы молодых китайцев социалистической ориентации, приехавших на учебу в Москву в КУТВ (Коммунистический университет трудящихся Востока), о чем я в то время еще не знала, поскольку все документы ВКП (б) и Коминтерна такого порядка были засекречены. Несмотря на то, что учился он в Москве сравнительно недолго, всего семь месяцев, безусловно, изучал русский язык. Но к тому времени, о котором идет речь, видимо, основательно его подзабыл. И всегда говорил только на родном языке.

Гао Ган был примерно того же роста, но полней, чем Лю Шаоци, с лицом, покрытым мелкими рябинками, вероятно, оставленными от заболевания оспой, по внешнему поведению выглядел мужчиной склонным к шуткам. В целом внешне и по манерам был, пожалуй, полной противоположностью главы делегации.

Вернувшись в Отдел, доложила В.Г. Григорьяну об этом визите, подробно передала ответы Лю Шаоци на интересовавшие заводделом вопросы. Казалось, Григорьян был удовлетворен. В раздумье сказал: «Хорошо. В ближайшее время, если будете отлучаться, чтобы мы знали, где Вы находитесь».

Подобные задания заведующего Отделом ЦК, связанные с контактами с Лю Шаоци, в последующем я выполняла несколько раз.

После второго приезда в знакомый особняк, когда уже выполнила задание заводделом ЦК и собиралась уходить, сказала: «Товарищ Лю Шаоци, а я читала Вашу книгу «О работе коммуниста над собой»». Он помолчал несколько секунд, потом спросил: «А разве она переведена на русский?» Ответила, что читала эту книгу на китайском языке. Об аннотации на книгу я, конечно, не упомянула. Помолчав, Лю Шаоци снова задал вопрос: «Тебе, как молодому китаисту, что-нибудь было интересно в этой книге?» Отвечая на этот вопрос довольно подробно, изложила, что именно для меня было интересно. «Но главной Вашей заслугой, как автора книги, я думаю, является то, что Вы смогли сложные политические и теоретические понятия и термины изложить в форме понятной для китайского коммуниста любой степени грамотности». Оказалась, что этой короткой беседы было достаточно, чтобы для начала установился хотя бы какой-то обычный контакт за пределами официального разговора.

Перед прощанием Лю Шаоци спросил, где я изучала китайский язык и, услышав ответ, сказал: «Это хорошо (что он под этим «это» имел в виду, было неясно). Вам нужно съездить в Китай. Как только окончательно победит народная революция, Вы обязательно побывайте в нашей стране». Я поблагодарила Лю Шаоци и сказала, что мечтаю познакомиться с Китаем и, как только представится возможность, с удовольствием ею воспользуюсь.

Однажды где-то пополудни В.Г. Григорьян срочно вызвал меня для очередного небольшого поручения. Речь шла о двух вопросах, о которых я должна была уведомить Лю Шаоци.

Примерно через полчаса я уже была в знакомом особняке. На этот раз мое пребывание там несколько затянулось из-за приглашения Лю Шаоци пообедать с ними. Минут через пять после моего приезда прибыл и Ван Цзясян (будущий первый посол КНР

в СССР). Так что присутствовала вся делегация. За столом говорили в основном о Москве (Ван Цзясян в 1920-х годах также учился в нашей столице), о расширившемся новыми станциями московском метро, иногда задавали мне вопросы. Но речь не о том. Лю Шаоци за обедом мало говорил, был, видимо, чем-то озабочен или на чем-то основательно сосредоточен (возможно, на вопросах предстоящей встречи), как всегда, не шутил и не смеялся. В Москве я его не видела даже улыбающимся.

По возвращении в Отдел обо всем доложила В.Г. Григорьяну, никаких вопросов он не задал, как-то отрешенно, неизвестно, в связи с чем, сказал: «Это хорошо, спасибо» (обычно он никогда не говорил мне «спасибо»). Видимо, он куда-то торопился и, возможно, готовился к какой-либо встрече.

Вскоре я случайно познакомилась в санатории «Барвиха» с дочкой Лю Шаоци — Лю Айцин, которая в компании с Чжу Мин, дочкой Чжу Дэ, приехала в Москву из интернационального детского дома в Иваново. Мы провели примерно час в парке этого санатория в ожидании писем и посылки, которые привез кто-то из Китая. Обе девушки были в хорошем настроении, шутили и весело смеялись.

Совсем другим я увидела Лю Шаоци при двух встречах в Китае — в 1954 г. В том году делегация советской молодежи была приглашена в КНР на празднование 35-й годовщины антиимпериалистического «Движения 4 мая» 1919 г. В ее состав входили секретари ряда республиканских, областных и городских организаций ВЛКСМ, молодые артисты Большого театра, солист оперы Володя Отделенов, балетный дуэт, знаменитый в будущем дирижер, композитор и пианист Е.Ф. Светланов. Отдел ЦК подключил в эту делегацию и меня. Это была моя первая поездка в Китай, поэтому запомнилась навсегда.

Советская делегация посетила Пекин, Шанхай, Гуанчжоу, ряд промышленных предприятий, некоторые деревни как под Пекином, так и на юге Китая, состоялось множество встреч с большими массами китайской молодежи — студенчеством, молодыми рабочими и крестьянами. Наша делегация провела в Китае целый месяц.

Но вернемся к воспоминаниям о Лю Шаоци. К сожалению, я не помню точно, было это на привокзальной площади в Мукдене (делегация ехала в Китай на поезде, и по пути к Пекину, в Маньчжурии, нас встречала молодежь ряда городов, и прямо на привокзальных площадях возникали митинги, на которых местная молодежь приветствовала делегацию), или это происходило на привокзальной площади в Пекине. Наша делегация вышла из поезда и сразу попала в окружение тысяч приветствовавших нас молодых китайцев. Когда мы, остановившись, сгруппировались, вдруг подошел Лю Шаоци и, протянув мне руку, в начале улыбаясь, а потом громко и весело рассмеявшись, сказал на русском языке: «Товарищ Картунова! С приездом тебя в Китай! Как чувствуешь себя в этой долгой дороге?!» Я была приятно удивлена. Это был Лю Шаоци, каким в Москве я его ни разу не видела. После короткого обмена несколькими фразами Лю Шаоци сказал: «Мы еще встретимся в Пекине. До свидания, товарищ Картунова».

И действительно, в Пекине мы встретились. Руководство КПК уделяло нашей делегации много внимания. Так, перед нашим отъездом в Москву несколько руководящих деятелей КПК устроили прием в честь делегации советской молодежи. Вот там мы и встретились с Лю Шаоци. Нас принимали члены Политбюро Чжу Дэ, Дун Биу, Лю Шаоци и еще два члена руководства КПК. После беседы состоялся ужин. Когда застолье уже близилось к концу, подошел Лю Шаоци и пригласил меня к маленькому столику, стоявшему в углу зала у окна. Там мы присели и примерно минут 15 беседовали. Лю Шаоци спросил о впечатлении от поездки, о семье, о муже, о дочке Иринке-Ладик, о моей работе, расспросил о здоровье и работе всех, с кем встречался из Отдела ЦК, называя поименно. Просил всем им передать привет. Спросил о Москве, тепло ли уже там у нас. Я просто была поражена, какими разными сторонами своей человеческой натуры он обладал. Прощаясь, он пожелал мне, по китайскому обычаю, долголетия, улыбнувшись при этом, успехов в работе и счастливой жизни. Спасибо, товарищ Лю Шаоци.

К тому времени имя Лю Шаоци как крупного политического деятеля КПК и китайского государства уже было широко известно советской общественности. В 1954–1959 гг. кроме члена Политбюро и секретаря ЦК КПК, он являлся председателем ПК ВСНП. Лю Шаоци был искренним другом Советского Союза и не случайно стал первым председателем Общества китайско-советской дружбы, которое было создано в Пекине 5 октября 1949 г.

Храню память о Лю Шаоци с большим уважением, считаю большой удачей, что была знакома с такой крупной политической личностью Китая и человеком.

Полмесяца с Сун Цинлин в Москве

В ноябре 1957 г. в Советском Союзе широко отмечалась 40-я годовщина Октябрьской революции в России. К этой знаменательной дате был приурочен запуск первого в истории искусственного спутника Земли — плод гения советских ученых, инженеров, изобретателей, золотых рук рабочих, усилий целых коллективов научно-исследовательских институтов. Уже с первых чисел ноября в Москве царил поистине восторженное настроение, особый градус которого поднимал факт: вокруг Земного шара летал на огромной высоте и подавал сигналы первый советский искусственный спутник. Для нас, советских граждан, это невиданное событие было предметом национальной гордости, ведь это наша страна продемонстрировала новый успех планетарного масштаба. Вся международная печать в эти дни была заполнена новым, еще не всем понятным словом «спутник». За движением спутника с большим интересом наблюдали на всех континентах.

Тем временем Москва заполнялась гостями. На торжества по случаю 40-й годовщины Октября прибыли более ста зарубежных делегаций. С особым почетом встречали в Советском Союзе делегацию Китайской Народной Республики во главе с председателем ЦК КПК Мао Цзэдуном.

4 ноября Н.С. Хрущев принял главу китайской делегации Мао Цзэдуна и членов делегации. В тот же день (4 ноября) делегацию во главе с Мао Цзэдуном принял К.Е. Ворошилов, затем Н.А. Булганин. Все это широко освещалось в советской печати.

А 1 ноября мне позвонил домой завсектором Отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями стран социализма И.С. Щербаков.

В то время я уже не работала в этом Отделе, а была аспиранткой Академии общественных наук при ЦК КПСС. И.С. Щербаков попросил подъехать в Отдел по «важному делу». Часа через полтора я была в его кабинете. Он сообщил, что «вероятно, завтра, т.е. 2 ноября, в Москву прибывает партийно-правительственная делегация во главе с Мао Цзэдуном на празднование 40-й годовщины Октября. В состав делегации входит и Сун Цинлин. Руководство Отдела решило подключить Вас для работы с ней. Придется Вам на это время прервать занятия в академии и полностью переключиться на выполнение задания Отдела ЦК». «Ничего, потом наверстаете упущенное», — добавил он. Затем сказал, чтобы я зашла для более подробной инструкции к завотделом Б.Н. Пономареву.

Борис Николаевич предложил присесть, спросил, как у меня идут дела в академии, потом приступил к делу. Он характеризовал предстоящую мою работу как «весьма ответственное задание Отдела ЦК». «Ведь Вы знаете, кто такая Сун Цинлин? (еще бы я не знала! — А.К.) У Вас есть необходимый опыт, и я уверен, что Вы справитесь с этим заданием». Дал соответствующие наставления, определил примерный круг моих обязанностей. В заключение сообщил, что поставил в известность ректора АОН при ЦК КПСС Ю.П. Францова, что в течение 2-х недель я буду выполнять задание Отдела ЦК.

Вышла я из третьего подъезда здания ЦК не без волнения. А оснований для этого было более чем достаточно. Прежде всего, мне никогда до этого времени не случалось видеть Сун Цинлин. Далее, Сун Цинлин — южанка. Известно, насколько диалект южных провинций Китая отличается от пекинского. Я знала также, что она получила образова-

ние в США, следовательно, в совершенстве владеет английским. Неизвестно, на каком языке она будет общаться в Москве. И, наконец, самое главное, что вызывало почти тревогу, — это сознание того, что предстоит иметь дело с поистине легендарной личностью, крупным государственным и общественным деятелем, чье имя было широко известно во всем мире. Знала я и о выдающейся патриотической деятельности Сун Цинлин в годы антияпонской войны (1937–1945 гг.), ее вкладе в создание Единого национального антияпонского фронта. Когда Особый район (основная база китайских коммунистов) оказался в результате блокады чанкайшистскими войсками в тяжелейшем положении (1946 г.), Сун Цинлин организовала закупку медицинских препаратов, перевязочных средств, фрахта самолета и переправку всего этого из США в Особый район. Причем она вложила в это предприятие и свои личные средства. Известно мне было и о том, как высок был авторитет Сун Цинлин в мире уже после провозглашения Китайской Народной Республики 1 октября 1949 г. Она представляла КНР во Всемирном совете мира и была удостоена Международной премии мира, в 1951 г. была удостоена международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами», а в 1952 г. стала президентом Комитета афро-азиатской солидарности. Не стану перечислять всех заслуг и постов Сун Цинлин, интересующиеся могут узнать о них из литературы. Но и упомянутого было достаточно, чтобы волноваться: смогу ли я отвечать в общении с Сун Цинлин ее высоким требованиям? Признаюсь, за все годы моей практической работы в Отделе ЦК в общении с китайскими коммунистами я всегда чувствовала себя спокойно, выполняя свою обычную, как мне казалось, работу. Этот же случай был особым, и я находилась в напряженном ожидании встречи с Сун Цинлин.

2 ноября по приземлении самолета с китайской делегацией во «Внуково», как мне рассказал И.С. Щербаков, Сун Цинлин сразу увезли в ее резиденцию в Кремль. Кстати, государственный флаг КНР развевался в Кремле над ее резиденцией как заместителя председателя Постоянного Комитета ВСНП Китая, то есть представителя государства. Над резиденцией Мао Цзэдуна, находившейся также в Кремле, государственного флага не было, поскольку он возглавлял делегацию как председатель ЦК КПК.

На следующий день в 7.45 утра я уже была в резиденции Сун Цинлин. Кроме высокой гостьи и секретаря-телохранителя, молодого китайца лет 35, плотного телосложения (фамилию его теперь не вспомню) в этом помещении никого не было. 8.00 — бой часов, открывается дверь из покоев Сун Цинлин, и она, обращаясь ко мне на английском языке, приглашает в столовую к завтраку. У меня, как говорится в подобных случаях, отлегло на душе — значит общаться будем не на южно-китайском диалекте, который я просто-напросто совсем не понимаю, а на английском языке.

Так началось наше общение, которое продолжалось более двух недель изо дня в день. В первые два дня нашего общения, как мне казалось, Сун Цинлин как бы присматривалась ко мне. Но вскоре я освободилась от этого ощущения, и наше общение приобрело нормальный деловой характер.

Попытаться коротко дать портретную характеристику Сун Цинлин — дело безнадёжное. Большое впечатление производила сама **личность**. Личность неординарная, сложная и, я бы сказала без преувеличения — **крупная**. Это ощущение не покидало меня при каждой встрече. Выражалось это в ее манере держаться, в характере и содержании предлагаемых ею в кратких беседах тем, в том, чем она была озабочена, чем она была занята за письменным столом в ранние утренние часы, когда ей ничто не мешало.

И все же, как выглядела Сун Цинлин? По нашим русским меркам она была ниже среднего роста. В 1957 г. ей было 67 лет. При этом она сохранила внешнее обаяние. На лице ни единой морщинки. Гладко затянутые черные блестящие волосы. Несмотря на возраст, она была красива какой-то спокойной и в тоже время гордой красотой, причем она сама как бы никакого значения этому не придавала. Лицо Сун Цинлин озарялось редкой пленительной улыбкой. Носила она, как правило, закрытое национальное платье

ципао из плотного красивого, но не броского шелка, иногда надевала темно-синюю брючную пару, какую в то время в Китае носили все партийные и государственные деятели. Не припомню, чтобы Сун Цинлин когда-либо шутила. В то же время у нее часто звучали нотки мягкого, доброжелательного отношения к собеседнику.

Как мне рассказывала Сун Цинлин, режим ее дня был строго спланирован, и она придерживалась установленного распорядка многие десятилетия. Вставала в 4 утра, затем всевозможные гигиенические и оздоровительные процедуры. В 6 часов утра она всегда за рабочим столом. В 8 часов — завтрак. И далее — работа, заседания, встречи, выезды и пр. Такого же распорядка придерживалась Сун Цинлин и находясь в Кремле. В 7 часов вечера после ужина она закрывалась в своих покоях. Кончался ее рабочий день, и никто не должен был ее беспокоить. На ночь по просьбе Сун Цинлин ей оставляли один лимон, немного сахарного песка и одно сырое яйцо.

От прибытия делегации в Москву до открытия Совещания представителей коммунистических и рабочих партий² 14 ноября было время, заполненное торжественными заседаниями, посвященными 40-й годовщине Октября, различными встречами с коллективами трудящихся различных учреждений и предприятий Москвы, с деятелями культуры, посещениями некоторых промышленных предприятий и подмосковных совхозов и колхозов, культурными мероприятиями и др. В некоторых из них участвовала и Сун Цинлин, которую я постоянно сопровождала.

На всех встречах и приемах Сун Цинлин была в центре внимания, как самая выдающаяся женщина — государственный деятель Китая. И не только поэтому. Обращали на себя внимание ее краткие содержательные и нестандартные речи.

Наблюдая поступки, действия, высказывания Сун Цинлин, я видела перед собой человека высокого чувства долга и ответственности. Это относилось и к ее выступлениям. Всякий раз, когда предстояли какие-то выезды и встречи, она справлялась, нужно ли ей будет выступать. И, если от нее ожидали хотя бы какое-то краткое слово, она тщательно готовилась к выступлению.

Однажды, приехав в резиденцию Сун Цинлин, как всегда минут за десять до условленного времени, я застала ее в гостиной за просмотром журнала, в котором она делала какие-то пометки. После взаимных приветствий Сун Цинлин предложила мне присесть и немного подождать. А закончив работу и указывая на журнал (возможно, это была верстка) поведала, что откликнулась на просьбу редакции этого журнала дать согласие на то, чтобы ее имя стояло на обложке как учредителя. Журнал издавался для хуацяо (этнические китайцы, проживающие за рубежом). Авторитет Сун Цинлин был столь велик, что достаточно было ее имени как одной из учредителей журнала, чтобы привлечь к нему повышенное внимание. Думаю, что она это хорошо понимала и очень ответственно и бережно относилась к своему авторитету. Одним из свидетельств этого явился, в частности, описанный эпизод. Она с большим вниманием вычитывала и вносила правку в текст, не перепоручая кому-либо делать эту работу. Несмотря на большую занятость государственными делами, Сун Цинлин придавала большое значение этому журналу. КНР была еще молода и нуждалась в помощи в ее экономическом строительстве. А хуацяо представляли заметный резерв этой помощи, особенно проживавшие в странах бассейна Тихого океана, в том числе — в США.

С 1954 г. Сун Цинлин являлась председателем Общества китайско-советской дружбы. Она была большим искренним другом нашей страны и много сделала для укрепления дружбы народов двух стран. И естественно, что председатель ВОКС (Всесоюзное общество культурных связей с заграницей) Нина Васильевна Попова, пользуясь пребыванием Сун Цинлин в Москве, очень хотела пригласить ее в Дом дружбы, где располагалось Общество. Однажды Н.В. Попова позвонила мне и попросила «заскочить» ненадолго к ней в ВОКС в связи с предполагаемой встречей с Сун Цинлин в Обществе. Я приехала в тот же вечер и встретила с Ниной Васильевной. Зная, что у Сун Цинлин почти

все время вплоть до отъезда спланировано, Н.В. Попова спросила, на какой день удобно пригласить Сун Цинлин приехать в Общество. На это я ответила, что смогу ей сказать только на следующий день, предварительно переговорив с Сун Цинлин и просмотрев весь план пребывания ее в Москве. Второй вопрос был о подарке. Н.В. Попова отлично понимала, что удивить Сун Цинлин невозможно каким-либо подарком, да и не в этом дело. Она предложила варианты памятного подарка для Сун Цинлин. Ознакомившись со всем, что было на столе, я предложила остановиться на настольном чернильном приборе из уральских самоцветов, добавив, что в Китае нет таких камней. На этом подарке и остановились.

Сун Цинлин выразила согласие на приглашение Н.В. Поповой. Мы с Сун Цинлин нашли время в ее графике, когда она могла бы поехать в Дом дружбы, о чем я сообщила Н.В. Поповой. Сун Цинлин спросила, какая примерно будет аудитория, с которой ей предстоит встретиться и выступить с краткой речью.

В день приема хозяйка Дома дружбы заметно волновалась, несмотря на то, что встречалась с Сун Цинлин не раз на различных международных форумах. Вначале мы посидели вдвоем в кабинете Н.В. Поповой, где они с Сун Цинлин побеседовали минут 15. Затем Нина Васильевна пригласила высокую гостью в зал, где представила ее участникам встречи, на которую она пригласила известных ученых, литераторов, представителей артистического мира и других деятелей культуры. Были приглашены также знатные работники промышленности и сельского хозяйства, Герои социалистического труда.

Было несколько приветственных выступлений в адрес строящегося Китая и лично Сун Цинлин. Но все ждали, когда выступит гостья. Ее слова были о дружбе народов двух стран, но все говорилось настолько нестандартно, глубоко, убедительно и в то же время изящно, что по окончании ее выступления все участники встречи встали и устроили ей овацию.

Однажды, сидя за журнальным столиком в гостинной резиденции Сун Цинлин, мы с ней обсуждали план мероприятий, в которых предполагалось ее участие на ближайшие 2–3 дня. Вдруг она попросила выкроить в этих планах примерно час-полтора для встречи с Фаиной Бородиной, вдовой М.М. Бородина³, с которой она хорошо была знакома, и организовать встречу с ней. Встреча состоялась в Кремле, но в другом помещении. Зная, что в Кантоне они часто встречались, я сказала — спросила, что, мол, мне лучше оставить их наедине? Но Сун Цинлин попросила остаться. Присутствовали еще две женщины. Одна из них — молодая китаянка (возможно, из посольства КНР), другую я также не помню, кто она. Встреча Сун Цинлин и Ф. Бородиной была весьма теплой как давних хороших знакомых, которым было что вспомнить. Возможно, Ф. Бородина была примерно такого же возраста, что и Сун Цинлин. Но, в отличие от нее, — седовласая и очень рыхлополная. Сун Цинлин прежде всего справилась о здоровье Фаины и о двух сыновьях Бородиных, вспоминали о годах, проведенных в Кантоне с их сложностями и успешной работой там советских политических и военных советников, об Америке (Ф. Бородина как будто была американского происхождения) и пр. Встреча продолжалась около часа.

Наконец, 14 июля наступил день открытия Совещания представителей коммунистических и рабочих партий. В то утро Сун Цинлин была бодрой и как-то особенно внутренне подтянутой. Она была единственной участницей международного форума коммунистов, не будучи в то время официально членом КПК.

Мы шли к залу заседаний, которые проходили в Георгиевском зале Кремля (в зал я, естественно, не заходила). Надо было видеть, с каким уважением окружали ее участники совещания. Сун Цинлин узнавали, многие руководители компартий подходили к ней поприветствовать и выразить свое почтение. Сун Цинлин ежедневно принимала участие в заседаниях Совещания, и я изо дня в день (6 дней) сопровождала ее к залу заседаний и встречала, чтобы довести до ее резиденции. Сун Цинлин страдала от болей в коленных суставах, особенно при спусках по ступенькам. В Кремле при спуске из зала

заседаний по беломраморному, довольно длинному спуску по ступенькам мы с ее телохранителем слегка поддерживали Сун Цинлин под руки. Она как-то стеснялась этого и молча переносила свой недуг.

Поскольку до опубликования сообщения о состоявшихся международных Совещаниях представителей коммунистических и рабочих партий о них нигде в средствах массовой информации не упоминалось, Сун Цинлин, следуя дисциплине, не рассказывала мне о содержании выступлений его участников и принятых на них документах.

Перед отъездом, когда у Сун Цинлин оставалось минут 30 свободного времени, она с удовлетворением коротко поделилась со мной о ее впечатлениях от пребывания в Москве. Сун Цинлин тепло простилась со мной, оставив неизгладимую память о многих днях работы с ней.

Незабываемые встречи с Ян Сяньчжэнем в Москве, Шанхае и Пекине

Наши первые контакты с профессором Ян Сяньчжэнем — известным китайским философом марксистского направления, теоретиком, педагогом, партийным деятелем впервые состоялись в 1954 г. при моей работе с делегацией работников партийных школ КПК, которую (делегацию) он возглавлял. Эта делегация из 6 человек прибыла в Москву для ознакомления с опытом работы партийных школ КПСС. В то время Ян Сяньчжэнь являлся заместителем директора Института марксизма-ленинизма ЦК КПК, а с августа 1955 г. по февраль 1961 г. — директором Высшей партийной школы ЦК КПК и секретарем парткома этой школы.

Накануне прибытия этой группы в Москву завсектором Отдела ЦК КПСС Е.Ф. Ковалёв сказал мне, что руководство Отдела возлагает на меня работу с этой делегацией на время пребывания ее в Москве, освобождая от всех других обязанностей. Я должна была сопровождать группу на беседы в разные организации, при необходимости выступать в качестве переводчика, а также заботиться об их бытовых нуждах и отдыхе (культурные мероприятия), докладывать, как прошли беседы, или лекции, которые организовывались для этой группы, какие главные вопросы задавали гости и вполне ли были удовлетворены ответами.

Размещалась эта группа в спецквартире на улице Горького (ныне Тверская) в доме № 9.

При первой же встрече с Ян Сяньчжэнем обращали на себя внимание высокий интеллект, глубокое знание обсуждаемых вопросов, спокойная неторопливая манера поведения. Позже я постоянно внутренне ощущала обаяние его личности, особенно в частных беседах с ним в конце рабочего дня, когда мы обсуждали с ним итоги прошедшего мероприятия и детали работы на следующий день. У Ян Сяньчжэня, видимо, был врожденный талант во время беседы создавать атмосферу комфорта — с его мягким взглядом, спокойной манерой разговора, дружеским расположением к собеседнику.

В то время Яну было 58 лет. Это был мудрый, добрый человек, работать с которым было одно удовольствие.

Характерно, что при всех встречах, беседах, лекциях члены делегации постоянно записывали все, что успевали, что для них было особенно важно и интересно из накопленного опыта работы КПСС. После каждой лекции и во время бесед члены делегации задавали немало вопросов, и хозяева, принимавшие их, не считаясь со временем, подробнейшим образом разъясняли все, что их интересовало.

Побывала делегация также в Большом театре, просмотрела ряд советских кинофильмов.

Я контактировала с этой делегацией почти два месяца. И у меня остались от работы и общения с Ян Сяньчжэнем незабываемые впечатления.

Вторая встреча с Яном произошла летом 1958 г., когда я была аспиранткой 2-го курса АОН при ЦК КПСС. Однажды мне позвонила домой секретарь ректора этой академии и сказала, что он просит меня завтра быть у него к 11 часам утра (в АОН было не принято говорить «вызывает»). Разумеется, я приехала к указанному времени. Юрий Павлович Францов предложил мне присесть и сказал: «Через несколько минут сюда придет хорошо Вам знакомый китайский ученый Ян Сяньчжэнь. Он гость нашей академии и уже был у меня с двумя другими его коллегами. Но мы договорились с ним встретиться еще раз и продолжить обсуждение некоторых вопросов. Кстати, он спрашивал о Вас, как идут Ваши аспирантские дела. И я хотел бы просить Вас помочь нам с ним побеседовать». Я сказала, что в меру сил и с удовольствием постараюсь помочь. Добавила, что новая встреча с Ян Сяньчжэнем доставит мне большое удовольствие, что я знаю его как замечательного человека и друга Советского Союза.

Через несколько минут секретарь сообщила, что Ян уже в приемной. Ю.П. Францов встал из-за стола и пошел в приемную лично пригласить его в кабинет. Я также встала с кресла. Мы встретились с Ян Сяньчжэнем как добрые знакомые. Прошло четыре года после нашего первого знакомства в Москве. Внешне он почти не изменился, хотя стало побольше седины. Но он сохранил свою естественную человеческую привлекательность. Вначале мы немного поговорили с гостем, коротко спрашивая друг друга о здоровье, о его новой работе (Ян теперь был членом ЦК КПК, директором ВПШ ЦК КПК и секретарем парткома этой школы), о наших семьях, достаточно ли у меня источников и литературы для подготовки кандидатской диссертации, в чем я нуждаюсь в этом смысле. Я сказала, что в наших библиотеках нет органа ЦК КПК 1920-х годов, журнала «Сяндао». Он любезно обещал мне подарить полную подборку этого журнала. Юрий Павлович не прерывал нашей беседы, что-то черкал ручкой, видимо, вносил правку в какую-то рукопись.

Затем началась их беседа, а я переводила. Считаю, что мне крупно повезло: ни о проблемах философии, ни социологии, крупными специалистами которых они оба являлись, речь не шла, у меня были бы немалые трудности с переводом, поскольку специальной лексикой этих наук никогда не занималась. Говорили в основном об общенаучных организационных проблемах.

Беседа прошла в приятной атмосфере, а по ее окончании Ю.П. Францов пригласил нас пообедать с ним в весьма приличной столовой академии находившейся в том же здании внизу. Ян сказал, что у него большая программа на этот день, но все же от приглашения не отказался.

Через какое-то время в нашей академии я случайно встретила ректора, он с кем-то разговаривал, но увидев меня, дал знак рукой подождать его. Подойдя ко мне, сказал, что Ян Сяньчжэнь завтра улетает в Пекин. Мы поднялись в кабинет Францова, где он дал мне номер телефона Яна в гостинице, в которой тот остановился в Москве. Вечером я позвонила ему, пожелав мягкой посадки в Пекине, здоровья и больших успехов в его нелегкой и весьма ответственной работе. В ответ он также высказал мне наилучшие пожелания и пригласил обязательно посетить ВПШ ЦК КПК, когда буду в Китае.

Вновь мне случилось встретиться с Ян Сяньчжэнем в апреле 1959 г. в Шанхае. Это было время, когда напряжение во взаимоотношениях между КПСС и КПК, а также по государственной линии, развивалось по нарастающей, и прямых контактов между двумя партиями почти не было.

В том году я была аспиранткой 3-го курса. По планам АОН, аспиранты кафедры истории международного коммунистического и рабочего движения и национально-освободительных движений, наследницы кафедры истории международных отношений, на третьем курсе направлялись командировки в страны научных интересов каждого из аспирантов. Все шло по плану: в феврале–марте 1959 г. все мои однокашники по кафедре уже разъехались в научные командировки. А с моей поездкой в КНР возникли, казалось,

непреодолимые трудности из-за известных отношений в то время, а вернее, их отсутствия между двумя партиями.

И тогда ректор АОН Ю.П. Францов, в то время авторитетная фигура как в научном мире философов и социологов, так и в КПСС, обратился в Отдел ЦК по связям с коммунистическими и рабочими партиями стран социализма с просьбой помочь организовать научную командировку в Китай аспирантке академии А.И. Картуновой. Через некоторое время из Отдела ЦК поступило сообщение о том, что в связи с известными большими трудностями во взаимоотношениях между двумя партиями Отдел ЦК КПСС не может обратиться в ЦК КПК с указанной просьбой.

После этого Ю.П. Францов предложил свой план решения проблемы, который согласовал с упомянутым Отделом ЦК. Ю.П. Францов изложил мне положение, каким оно было с научной командировкой, и сказал: «Я дам Вам личное письмо моему китайскому другу Ян Сяньчжэню, с которым Вы хорошо знакомы, и Вы полетите с этим письмом в Пекин. Там Вас встретят сотрудники нашего посольства и помогут сориентироваться по поводу организации Вашей командировки». Когда я вернулась к вечеру домой и рассказала обо всем этом мужу, он сказал, что такая командировка похожа на какой-то детектив и спросил, не боюсь ли я возможных больших неприятностей, которые могут возникнуть в Китае в той обстановке. Но я почему-то не боялась.

Слово — дело. Соответствующие сотрудники АОН купили мне авиабилет до Пекина. В аэропорту «Шоуду» меня встретили дипломаты из Советского посольства в Китае, мои однокашники по Московскому институту востоковедения Андрей Денисович Дубровский и Георгий Александрович Ганшин. Естественно, мы называли друг друга по имени. А.Д. Дубровский, к тому времени уже опытный дипломат в довольно высоком ранге, работавший в Пекине с 1947 г., взял по-дружески на себя все заботы по реализации и организации на начальном этапе моей командировки. Устроив меня в гостинице, он предложил пообедать в столовой посольства. Вот там и состоялся «серьезный разговор». «Ты зачем сюда приехала в такое время? — начал он в сердцах. — Вы что там, в Москве не знаете, что здесь происходит?» и т.п. На этот пассаж ему ответила: «Мне нужны необходимые китайские материалы для завершения работы над диссертацией и добавила, что прежде всего нужно встретиться с директором ВПШ ЦК КПК Ян Сяньчжэнем».

На следующий день Андрей связался по телефону с Высшей партийной школой и спросил, не мог ли бы директор школы Ян Сяньчжэнь принять Картунову, у которой имеется к нему письмо ректора АОН при ЦК КПСС.

Я понимала, как нехоти Дубровскому мои заботы, но он терпеливо оказывал мне помощь, за что я была ему весьма признательна.

Через день-два последовало приглашение в ВПШ ЦК КПК, куда мы с Дубровским и прибыли. Принял нас приветливо заместитель директора (к сожалению, его фамилию сейчас не помню). Он сказал, что директора Ян Сяньчжэня нет в Пекине, он находится в командировке в Шанхае (какая удача, подумала я, ведь именно в Шанхай мне и нужно, в городскую библиотеку, где, как я знала, имеется единственный полный комплект газеты «Жэсюэ жибао» («Горячая кровь»). Когда принимавший нас хозяин спросил, чем бы ВПШ могла быть полезна мне, я ответила, что директор ВПШ Ян Сяньчжэнь обещал подарить мне подборку журнала «Сяндао». После этого он пригласил нас в библиотеку ВПШ. Когда мы дошли до полок, где стояли несколько комплектов «Сяндао», сброшюрованных в виде книг, он вручил мне все пять томов этого журнала.

Позже я поняла, что прежде чем пригласить нас, замдиректора, видимо, звонил Ян Сяньчжэню в Шанхай, и они все обговорили, что касается моего визита в ВПШ.

Я поблагодарила за теплый прием и экскурсию по библиотеке, особенно за ценный для меня подарок, а также просила передать Ян Сяньчжэню самый мой добрый привет.

Вернувшись в гостиницу, я сказал Андрею, что мне нужно, не теряя времени, лететь в Шанхай. Через день посольские работники купили мне билет в Шанхай, где по звонку из посольства в советское Генконсульство меня встретили в аэропорту двое его сотрудников. Спасибо, Андрей! К сожалению, уже много лет, как его нет в живых.

Прежде всего, я попросила этих сотрудников Генконсульства помочь мне связаться с Шанхайским отделением Общества китайско-советской дружбы (в то время его переименовали в Китае в Общество дружбы китайского и советского народов), что они любезно и сделали, не откладывая, видимо получив разрешение генконсула.

Через день или два после предварительного телефонного обращения в Шанхайское отделение дружбы, в Генконсульство приехали два китайца из этого отделения. При встрече я обратилась к ним с просьбами: помочь мне получить доступ в Шанхайскую городскую библиотеку и — не могут ли они организовать мне встречу с Ян Сяньчжэнем, который находится в городе. К моему немалому удивлению, обе просьбы были удовлетворены.

Советский генконсул Алексей Иванович Елизаветин был в курсе всех этих дел. Когда из Общества дружбы позвонили в Генконсульство и попросили меня к телефону (а я первые две недели жила в здании Генконсульства), сообщили, что в тот день примерно в 17 часов по местному времени они подъедут за мной и повезут на встречу с «товарищем Ян Сяньчжэнем», я зашла к генконсулу и сообщила о предстоящей встрече. Алексей Иванович попросил зайти к нему после такой, наверное, интересной встречи, несмотря даже на поздний час.

В назначенное время подошла машина с затемненными стеклами, и мы двинулись, неизвестно куда. Подъехали к зданию с железными решетчатыми воротами, въехали во двор, вошли в здание, сели в лифт и поднимались довольно долго (какой этаж, неизвестно). Это была гостиница, но какая, я не знала. Меня провели в номер, который в гостинице занимал Ян Сяньчжэнь.

Встреча с Ян Сяньчжэнем была теплой, товарищеской. Я искренне была рада этой новой встрече с ним. После обмена приветствиями Ян Сяньчжэнь пригласил меня к столу, который был уже накрыт заранее. Я привезла ему привет из Москвы от Ю.П. Францова и тех работников из Отдела ЦК КПСС, с которыми он был знаком во время его командировок в Советский Союз, бутылку армянского пятизвездного коньяка, который в советские времена славился высоким качеством, и коробку московских шоколадных конфет. После этого передала ему письмо от Францова, которое он пока что отложил.

Мы сидели за ужином и в манере Ян Сяньчжэня, не торопясь, беседовали. Он расспрашивал о его знакомых в Москве, о моей семье, о моей научной работе. Никаких политических вопросов мы не касались — не то время для такого рода разговоров. За ужином и беседой просидели около двух часов. Перед концом моего затянувшегося визита Ян спросил, чем он может мне помочь во время этой командировки. Я сказала, что хотела бы поехать в Нанкин, где находился в то время архив Гоминьдана (и, кажется, назывался архивом Второго института истории КНР) и кое-что посмотреть там интересного для меня. Он спросил, когда я рассчитываю вылететь в Нанкин. Потом, не ожидая ответа, добавил: «Я позвоню в Нанкин, чтобы там Вас встретили и показали все, что Вам интересно для ваших исследований. А когда будете вылетать туда, предупредите Общество дружбы, чтобы они сообщили в Нанкин номер рейса самолета, и Вас там встретят».

Прощаясь, мы пожелали друг другу доброго здоровья, успехов в работе. Я ушла с чувством тепла и какой-то особой доброты, которые исходили от этого удивительного человека.

В Шанхае я пробыла больше месяца. В городе было промозгло холодно и голодно (последнее на иностранцев не распространялось). Особенно холодно было работать с газетами в городской библиотеке: город не отапливался, полы цементные.

В Нанкине, благодаря заботам Ян Сяньчжэня, встретили меня приветливо. В течение 10 дней удалось поработать в архиве с интересующими документами и материалами. Работавшие со мной китайские историки показали достопримечательности города, в том числе мавзолей Сунь Ятсена с 333 ступенями от основания до его гробницы. Эта цифра символизировала «три народных принципа» Сунь Ятсена.

Покидая Нанкин, я с благодарностью вспоминала Ян Сяньчжэня, оказавшего мне такую ценную помощь, была весьма признательна принимавшим меня китайским ученым и работникам архива.

Осенью того года я получила из Пекина письмо на адрес Академии общественных наук. Ян Сяньчжэнь поздравлял меня с 42-й годовщиной Октябрьской революции, желая здоровья и успехов в работе. Письмо было набрано на машинке на китайском и русском языках, датировано 29 октября 1959 г. Оно у меня сохранилось. Половина письма посвящена успехам Советского Союза, достигнутым во всех областях строительства и развития страны за 42 года. Содержание другой половины меня как-то несколько смутило. Этот большой абзац был написан в точности, как в китайских официальных газетах тех дней (просто их трафаретное отображение), что было не похоже на Ян Сяньчжэня, посвящен большим успехам китайского народа под руководством КПК и «вождя всех народов Китая товарища Мао Цзэдуна, высоко поднимая красное знамя генеральной линии строительства социализма, большого скачка и народных коммун, напрягая все силы, борясь с правым уклоном... (отточие мое. — А.К.) находится на подъеме борьбы за досрочное выполнение основных показателей 2-й пятилетки».

Прочитав письмо до конца, с чувством какой-то тревоги я снова прочитала вторую его половину. Уж не возникли ли у него неприятности в связи с его участием в дискуссиях по некоторым вопросам философии и не попал ли он под огонь критики?

Последняя моя встреча с Ян Сяньчжэнем состоялась 15 июля 1988 г. в Пекине. Мы с Линь Ли, с которой хорошо были знакомы, в то время профессором ВПШ ЦК КПК, навестили его в больнице, и, как я поняла, у них как коллег, были дружеские отношения. Линь Ли не первый раз навещала Яна. Они ведь оба философы марксистского направления, долгие годы работавшие в ВПШ. Ян Сяньчжэнь достиг уже почтенного возраста — ему было 92 года. Время работает неумолимо, конечно он постарел, но продолжал работать, проявлял большой интерес к событиям в стране и за рубежом, сохранились его мудрость, доброта и обаяние. Я была рада, что мы его навестили. О самочувствии Ян говорил мало. Ему гораздо интереснее были новости с «большой земли». Он спросил меня, чем я занимаюсь в Пекине (в том году я полгода находилась на стажировке на историческом факультете в Жэньминь дасюэ (Народный университет)).

Но главное, что интересовало Ян Сяньчжэня в разговоре со мной, как идет в Советском Союзе «перестройка», что такое горбачевское «новое мышление», в чем его главная цель. Будучи в Москве, я внимательно следила по печати и телевидению за дискуссией по этим вопросам и за длинными малосодержательными и невнятными выступлениями и докладами М.С. Горбачёва. Вспомнился вопрос, облетевший всю страну, талантливому советскому русскому писателю, участнику Великой Отечественной войны, патриота нашей Родины Ю.В. Бондарева на большом совещании в Кремле (возможно, это было на пленуме ЦК КПСС, точно не помню). А этот вопрос звучал так: «Мы высоко поднялись на самолете, но неизвестно, где он сядет?» Увы! Я приходила к грустным выводам. Было бы нечестно перед таким человеком, каким был Ян Сяньчжэнь, восторгаться процессами, которые в то время проходили на моей Родине под руководством Горбачёва. Было похоже, что и Ян Сяньчжэнь затруднялся понять, куда ведет Горбачёв нашу страну.

Через некоторое время в палату вошел сын Ян Сяньчжэня — стройный, тщательно одетый. Чем-то неуловимым внешне он был похож на отца.

Перед окончанием нашего с Линь Ли визита Ян Сяньчжэнь подарил мне первый том его сочинений с дарственной надписью. Мы тепло простились с ним, пожелав ему

скорейшего выздоровления. В свою очередь он посоветовал нам больше обращать внимание на свое здоровье, пожелал успехов в работе.

Ян Сяньчжэнь находился на завершающем этапе своего жизненного пути, успев, видимо, сделать для своей страны все, что мог, о чем мечтал в своей многотрудной жизни. Он послужил своей родине еще четыре года. В 1992 г. Ян Сяньчжэнь ушел в мир иной. И я поныне храню светлую память о нем и чувства уважения и благодарности, а также теплые и светлые воспоминания о его человеческих качествах.

P.S. Из современной историографии КНР стало многое известно о Ян Сяньчжэне как ученом, его участии в дискуссии по вопросам философии в 1964–1965 гг., на которой его подвергли жесткой критике, организованной Кан Шэном, поскольку позиция Яна по одному дискутируемому вопросу противоречила утверждению Мао Цзэдуна. В 1965 г. Ян Сяньчжэня лишили всех постов. В 1967 г. он был выслан из Пекина в Сиань. По мнению известного российского философа В.Г. Букова, Ян Сяньчжэнь на рубеже 50-х — 60-х годов являлся фактически лидером ученых-марксистов в Китае.

Ян Сяньчжэнь был реабилитирован после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва. В 1979 г. его назначили советником ВПШ ЦК, затем избрали советником в ЦК КПК.

-
1. В августе 1954 г. Гао Ган покончил с собой. Позже решением ЦК КПК от 31 марта 1955 г. по делу Гао Гана — Жао Шуши они исключались из партии и снимались со всех постов за сектантскую раскольническую деятельность в партии.
 2. 14–16 ноября состоялось Совещание представителей 12 коммунистических и рабочих партий социалистических стран. 16–19 ноября — Совещание представителей 64 коммунистических и рабочих партий.
 3. М.М. Бородин (Грузенберг) (1884–1951), с октября 1923 г. — советник Сунь Ятсена, инструктор по реорганизации Гоминьдана, в 1924 г. — июне 1927 г. — главный политический советник ЦИК Гоминьдана. Одновременно весь период его работы в Китае — представитель ИККИ в этой стране.